

ЕВГЕНИЯ ОЛЕГОВНА МАКСИМОВА

аспирант кафедры русской филологии Института гуманитарных наук

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
maximova-evgeniya@yandex.ru

ТЕРЕМ В БЫЛИНАХ, ПРИЧИТАНИЯХ И ПЕСНЯХ ПЕЧОРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Работа нацелена на сопоставительный анализ образа терема в музыкально-поэтических жанрах русских традиций Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области). Терем является одной из самых популярных художественных единиц, обозначающих жилище в печорском фольклоре (в былинах выявлено 54 употребления, в причитаниях – 7, в песенных жанрах – 69). Источниками исследования стали опубликованные записи печорских былин и песен, изданные и архивные тексты причитаний. Впервые былины, причитания и песни Печоры сопоставлены в плане реализации образа жилой постройки – терема. Слово «терем» в былинах и причитаниях Печоры в основном сопровождается определениями, свойственными общерусской традиции. В песнях данный объект дает примеры наиболее разнообразных определений, и именно в песенных жанрах выявлено большее количество редких сочетаний. Описания теремов маркируют их владельцев. Печорские терема также являются объектами мира умерших. В печорских былинах терема принадлежат князьям, княгиням, морскому царю, Соловью-разбойнику, Богородице, что говорит о широкой включенности образа в эпическое фольклорное пространство, тогда как в свадебных и игровых величальных, в протяжных песнях терем оказывается связанным с любовно-семейной тематикой. Анализ фрагментов со словом «терем», выявленных в произведениях печорского фольклора, прежде всего в песнях и причитаниях, позволил обратить внимание на то, что этот архаичный вид жилища включается в сюжетные ситуации, связанные с темой создания семьи, женскими образами и семейной тематикой в целом.

Ключевые слова: терем, былина, причитание, песня, Печора, поэтика

Для цитирования: Максимова Е. О. Терем в былинах, причитаниях и песнях Печоры: сопоставительный анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.531

ВВЕДЕНИЕ

Цель работы – сопоставительный анализ образа терема в музыкально-поэтических жанрах русских традиций Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области). Жилые постройки в печорском фольклоре представлены довольно широко. Это дома, дворцы, избы, терема, палаты, хоромы, квартиры, шатры (см. таблицу). Задачи исследования определены следующим образом: рассмотреть контексты употребления слова «терем» в былинах, причитаниях и песнях Печоры и выделить мотивы и темы, в связи с которыми исследуемый объект появляется в текстах, а также раскрыть значение образа терема в музыкально-поэтических жанрах Печоры.

Терем является одной из самых популярных семантических единиц тематического поля «Жилище» в печорском фольклоре. Например, в былинах это третий по популярности вид жилища

после шатра и дома (54 употребления). Аналогичная позиция у него и в причитаниях (после метафорических обозначений дома как «витое гнездо, золотое кольцо» и собственно дома) (7 употреблений). В песенных жанрах терем является абсолютным лидером (69 употреблений).

Источниками данного исследования стали опубликованные записи печорских былин 1901–1980-х годов (первый и второй тома «Свода русского фольклора»¹, 280 текстов), материалы по причитаниям (опубликованные² и архивные³, относящиеся к периоду с 1929 года, включая современные, порядка 500 записей) и песням⁴ (опубликованные записи с 1908 года, около 800 текстов).

Печорский фольклор изучается с начала XX века, но активность его исследования не снижается в последние годы, чему подтверждение – издание все новых памятников народной словесности и собственно научных трудов⁵. Проявляется исследовательский интерес и к образно-тематическим характеристикам на основе печорского фольклора⁶.

Жилище в печорском фольклоре: основные семантические единицы
в количественных показателях

A dwelling in the folklore of Pechora: basic semantic units in quantitative terms

Жилая постройка	Былины	Причитания	Виноградья	Свадебные песни	Игровые припевки	Игровые хороводные песни	Протяжные песни
ДВОРЕЦ	8	–	–	–	–	–	5
ДОМ	87	15	8	–	2	6	16
ЖИЛИЩЕ	2	–	–	–	–	–	–
ИЗБА	11	5	–	–	–	–	3
КВАРТИРА	–	1	–	–	–	3	7
ПАЛАТЫ	51	–	–	2	–	1	3
ТЕРЕМ	54	7	13	10	8	12	26
ХАТА	–	5	–	–	–	–	–
ХОРОМИНА	2	7	–	4	–	–	1
ХОРОМЫ	4	–	–	3	–	5	–
ШАТЕР	195	–	19	–	–	–	3

ТЕРЕМ В МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В. И. Даль определяет терем как

«поднятое высокое жилое здание; в семантическом значении терем, дворец, барский дом», «женское отделение барского дома, ставился в верхней части хоромов <...> вышкою, мезонином»⁷.

С. К. Шамбинаго на материале былин описывает терем как надстройку над собственно жилым помещением, носившую также название вышек и чердаков⁸. Е. В. Ходаковский говорит о тереме, как о помещении над верхним ярусом в хорах или просто как о богатых хорах⁹.

Отметим, что терем – универсальная фольклорная единица. Это распространенный вид жилой постройки. Поэтому и в музыкально-поэтических жанрах рассматриваемого региона это наименование жилища представлено довольно широко. Наиболее репрезентативными жанрами в данном исследовании стали былины и песни, вероятно, в силу своей каноничности и большего количества выявленных употреблений слова «терем».

В. Г. Смолицкий обратил внимание на то, что в различных фольклорных жанрах бытовые реалии, относящиеся к жилищу, распределяются неравномерно [4: 7]. Также исследователь заметил, что слова «терем», «палаты», «хоромы», которые вышли из употребления еще в XVIII веке, как правило, фигурируют в песенных жанрах (в обрядовой и необрядовой лирике, эпических произведениях), так как ритмическая основа поэтического текста способствовала тому, чтобы песни сохранились в своей постоянной форме и не изменили устаревших элементов когда-то живой речи. Терем чаще всего отражается в свадебной лирике [4: 11, 13].

Слово «терем» в музыкально-поэтических жанрах Печоры сопровождается общефольклорными эпитетами «высокий», «новый» («высокий новый»). В большинстве случаев печорские былины и причитания включают именно эти определения, однако в былинах нами выявлены и такие единичные сочетания, как «великий терем» и «высокий баский нов терем», «златоверхий терем». Последнее сочетание нашло отражение и в песнях Печоры, которые по сравнению с другими жанрами отличаются большим разнообразием эпитетов (17 вариантов). Среди них такие редкие, как «батюшков, красный матушкин», «высокий бел», «высокий красный», «малый», «не тесен да не скоблен, хорошо раскрашен, разными красками наведен», «новенький-новый», «новенький развысок», «стоячий». Единичное сочетание «стоячий терем» есть и в печорском свадебном причитании.

Самым распространенным в рассмотренных нами текстах стал эпитет «высокий» в составе различных определительных сочетаний (31 употребление в былинах, 3 – в причитаниях, 25 – в песенных жанрах). В. Г. Смолицкий отметил, что формула «высокий терем» зафиксирована практически на всей территории России «с севера на юг и с запада на восток, независимо от особенностей местной архитектуры» [4: 32]. Кроме того, историк И. Е. Забелин писал, что высота здания имеет эстетическое значение: что высоко, то само по себе красиво «по случаю одной только своей вышины»¹⁰.

Заметим, что формула «стоячий терем» в свадебном причитании – обращении невесты к отцу и в лирической протяжной песне, акцентирующая внимание на «вертикальности», родственна терему высокому:

Высоко занялось да солнце красное,
Выше облака, выше ходящего,
Выше **терема**, выше **стоящего**¹¹;

Ох, да ты восточная, высокочная,
Высоко звезда возносится,
Э-да высоко звезда возносится,
Ой, выше **терема стоячего**¹².

В обоих примерах стоячий терем¹³ является показателем высоты, на которой находятся небесные светила (солнце и звезды). Таким образом, он семантически равнозначен высокому терему. В подтверждение данному тезису приведем слова В. Г. Смолицкого, который заметил, что

«высокий дом – это дом, устремленный ввысь; он растет из земли и тянется в Космос. В своем движении вверх он как бы подымается к Богу, к Всевышнему» [4: 32].

ТЕРЕМ В ПЕЧОРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ГЕРОИ И КОНТЕКСТЫ

Стоит отметить, в каких контекстах и в связи с какими героями данные жилые постройки появляются в «фольклорном пространстве» того или иного жанра. Например, в печорских былинах терема принадлежат таким знатным хозяевам, как князь Владимир, морской царь, княгиня Апраксия и др. Среди прочих, однако, следует выделить жилище Дюка Степановича. В двух вариантах быliny «Дюк Степанович и Чурила Пленкович», записанных от усть-цилемского исполнителя Василия Прокопьевича Носова, данный богатырь является хозяином не одного терема, а целых трех, что, несомненно, только подчеркивает состоятельность героя:

А уж как у Дюка, право, три дома,
Да ле три ле стали **высоки терема**,
А **хорошо** они, **баско изукрашены** (1: 598).

В другом варианте данного же исполнителя крыши у трех таких теремов медняны (1: 610).

Необычность дома Дюка Степановича (его неземное сияние) отмечает и другой исполнитель из Усть-Цильмы – Петр Родионович Поздеев:

И видят, что будто *огонь горит*,
А это Дюков **высок терем** стоит, *лучи мечет* (1: 587).

Особенно и внутреннее пространство его дома: в столовой горнице палаты Дюка полы хрустальные (1: 627). С. К. Шамбинаго заметил, что в эпосе чрезмерная роскошь при описании жилища могла быть близка к действительности, так как краски и позолоты являлись обязательным условием отделки дома¹⁴.

Образ трех теремов был выявлен нами не только в былинах, но и в виноградье (величальной песне). Определительные сочетания «высоки

злотоверхёваты терема» и «терема златоверховаты» – характерные описания жилища небесных светил (солнце, месяц и звезды) – символических заместителей супругов и их детей:

Во середке-то стояло ищэ три терема,
Три **терема** да **златоверховаты**,
Во первом терему да красно солнышко,
Во втором терему да блад светёл месец,
Во третьем-то терему да цясты звездоцьки¹⁵.

Н. А. Криничная заметила, что для носителей традиции важно продуцирование божественного макрокосмоса на живущих в сакрально-обытовленном микрокосмосе людей. Именно поэтому наряду с жилищем в систему космогонических воззрений включен и человек. Например, если былинный терем сопоставим со Вселенной, то человек является уменьшенной копией того и другого и наделяется солярными, лунарными, астральными признаками [2: 106–107].

В печорских же былинах формула «златоверхие терема» появляется в описании жилища княгини Златыгорки (1: 521), мифической женщины, и, видимо, поэтому ее дом так же необычен, как и она сама.

Таким образом, металл (медь или золото) в конструкции жилища (крыши), сияние/свечение терема в музыкально-поэтических жанрах Печоры маркируют принадлежность владельцев к своему/чужому миру или определенному социальному слою: иномирная былинная Златыгорка, богач Дюк Степанович или небесные светила – метафоры хозяев дома.

Довольно любопытен пример включения сочетания «высокие терема» в плач по основателю Печорской естественно-исторической станции (недалеко от с. Усть-Цильма) А. В. Журавскому, который предстает в поэтическом тексте как создатель деревни:

Уж ты нагонил силу да молодецкую,
Уж ты удалых да добрых молодцев,
Уж вы повырубил да все темны лесы,
<...>
Ты наставил **теремов высокиих**,
Расселил целу деревнюшу¹⁶.

Высокие терема здесь – образ нового, необычного для крестьянина селения, опытной станции¹⁷.

Не всегда в печорском фольклоре слово «терем» относится к миру живых. Например, в похоронно-поминальной причети «новый терем» и «новый высокий терем» (вместе с «новой горницей») являются метафорической заменой жилища покойного (гроба)¹⁸:

Дорога сестра родимая,
Не встречаешь меня больше да не радуешь,
Я пришла к твоему **нову терему**¹⁹;

Вам спасибо, да удалым молодцам,
Вы моей да лады милоей,
Поставили **нов высок терем**.
Срубили да **нову горницу**,
Вы свили ему да вито гнездо²⁰.

Попутно отметим, что синонимичность терема, горницы и дома находит отражение и в винограде, описывающем идеальное жилое пространство семьи:

Этам чей-же стоит дом да чей **высок-то терем**,
Этам чья-же стоит **нова горница**.
Этам дом стоит Григорья Ивановича,
Нова горнича Ирины Якимовны²¹;

Да этот чей, братцы, дом, чей **высок терем**?
Да тот дом стоит Николая Федоровича,
Нова горнича-то Агнии Евгеньевны²².

ТЕРЕМ И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ

Вообще терема, как показывают проанализированные нами произведения музыкально-поэтических жанров Печоры, тесно связаны с женскими образами. Неслучайно в ныне мертвом тюркском языке кыпчаков, живших в верховьях Иртыша на Алтае, по мнению М. Фасмера, слово «*tāgtā*», к которому этимологически восходит слово «терем», означало «женский покой»²³. Печорские тексты дают примеры связи терема как с девушкой до брака, так и с девушкой-невестой и с молодой замужней женщиной. В былине «Дунай Иванович – сват» терем является локусом девушки-невесты – Афросиньи Семеновны, дочери князя Семена Лиховитого, на которой пожелал жениться князь Владимир:

...Другая – Афросинья, дочь Семеновна,
Живет в таком во **тереме**,
Заперта крепко она, заложена (1: 569).

В эпическом мире терем может принадлежать и волшебнице (1: 222), и вдове (2: 84) (обе эти героини обладают одним именем – Маринка). В печорской лирической песне любовного цикла хозяйкой теремочка также является вдова, мать троих дочерей:

Деревнюшка стоит небольшая,
Э-ой, небольшая да только три дворочка,
Чтой четвертой теремочек.
Чтой во этом **теремочке**
Живет вдовушка солдатка²⁴.

К особому женскому пространству – к дому Богородицы – относится также единичное сложное определительное сочетание «высокий баский нов терем» (2: 162) в былине «Василий Игнатьевич и Батыга».

Наиболее живописным оказалось употребление слова «терем» в составе формулы, встретившейся при описании жилища невесты в нижепечорской свадебной песне:

Не тесен терем да не скоблён,
Только хорошо да раскрашён,
Разными красками наведён²⁵.

Пышность внешнего убранства песенных теремов демонстрируется и посредством перечисления некоторых конструктивных элементов. Например, «новый дом, высок терем со красным со крыльцом»²⁶, «со косящетым со окошечком»²⁷.

Сочетание «терем батюшков, красный матушкин» в игровой песне Нижней Печоры относится к родительскому дому девушки-невесты, к которой направляется удалый молодец:

Ко двору приворачивает:
Он – ко **терему** ко **батюшкову**,
Он – ко **красному** ко **матушкину**,
Ко окну красной девицы-души²⁸.

В протяжной песне красна девица выглядывает из окошечка своего высокого красного терема в поисках молодца²⁹. В величальной припевке молодец стремится найти свою девицу и просит каленую стрелу помочь: «упасть не на воду, не на землю, а в новый теремок»³⁰. В одном из свадебных причитаний к *терему* невесты направляется сват:

Он лисьими ходил тропами,
Он мышьями ходил норами,
Ко **высоку нову терему**³¹.

В исследуемом материале имеются примеры, в которых терема упоминаются в связи с невестами, но принадлежат они женихам. Например, терем жениха в контексте биографических мотивов одного из печорских похоронно-поминальных плачей становится предметом мечтаний матери о благополучной жизни дочери и символизирует достаток своего владельца:

Просватала мати родимая,
Молодехоньку да зеленехоньку,
Обзарились да обзадорились
На **теремы** да на **высокие**³².

Тот же мотив есть в игровой песне Усть-Цильмы, однако тут уже сама невеста надеялась, что жених состоятелен:

Зря обзарилась Дуня
Да на **высоки терема**³³.

ТЕРЕМ И СЕМЕЙНАЯ ТЕМАТИКА

В протяжных песнях в высокий новый терем – в дом мужа – ведут новобрачную невесту (в сюжете о разлученных влюбленных³⁴), и терем становится местом действия песенных сюжетов семейной тематики. К нему относится лирическая ситуация несчастливой семейной жизни (парень – «душа-радость молодец», пробудившийся в своем «новеньком новом теремочке», сетует на раннюю женитьбу, упрямую жену)³⁵. В известном сюжете свадебного величания,

бытовавшего и на Печоре, мы видим супругов, мечтающих о детях:

Да ле, Олександра да дочь Григорьевна,
Да ле посиди-ко да у меня во **терему**,
Да ле посмотри-ко да на мою на красоту.
Да ле роди сына да во меня, в меня,
Да ле роди дочь во себя, во себя³⁶.

Иногда слово «терем» может относиться к жилищу не совсем обычной семьи. Например, в печорской былине «Исцеление Ильи Муромца» данное строение принадлежит семье Соловья-разбойника:

Завидел Илья: во поле терем стоит.
Во этом **терему великом** сидели его
деточки родимые.
У этого Соловешка Рахматьева
Кабы была любима семья (1: 280).

Образу его владельца – чудовищного великана – соответствует и эпитет «великий» (кстати, редкий для печорских былин в связи с обозначениями жилища и его частей), как и в сочетании «великий дом» (1: 160) другого былинного исполина – Святогора.

Напомним, что именно в теремах изображается семейство небесных светил как параллель земной семье людей – адресатов винограда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, терем является значимой частью фольклорного мира музыкально-поэтических жанров Печоры. Данная постройка фигурирует во многих сюжетных ситуациях и потому довольно частотна. На основе проанализированного нами материала можно говорить о том, что слово «терем» в былинах и причитаниях Печоры в основном сопровождается эпитетами, свойственными и общерусской традиции (высокий новый терем, высокий терем, новый терем). В песнях же этот объект дает примеры наиболее разнообразных определений, и именно в песенных жанрах нами обнаружено большее количество редких формул.

В печорских былинах терема принадлежат князьям, состоятельным богатырям, морскому царю, Соловью-разбойнику, что говорит о широкой включенности данного образа в эпическое фольклорное пространство. Однако *терем* является семейным символом и связан он прежде всего с женщинами. Если в песнях с любовно-семейной тематикой героиней, имеющей прямое отношение к терему, традиционно является красна девица, то в былинах перечень таких героинь гораздо шире: «потенциальная невеста» Афросинья Семеновна, вдова, волшебница Маринка, мифическая Златыгорка, Богородица и др.

Зачастую описания теремов маркируют владельцев, например, сияние золотых и медных крыш сигнализирует о небывалом богатстве Дюка Степановича или иномирии мифической Златыгорки, а в виноградыях – указывает на «жилище» небесных светил (символических заместителей супругов и их детей). Можно говорить и о том, что печорские терема могут являться объектами как «своего» мира, так и мира «чужого». Например, в похоронно-поминальном плаче теремом называют новое жилище покойного (гроб).

Анализ фрагментов со словом «терем», выявленных в произведениях печорского фольклора, прежде всего в песнях и причитаниях, позволил также обратить внимание на то, что этот архаичный вид жилища включается в сюжетные ситуации, связанные с темой семьи на разных этапах ее создания. Это и жизнь девушки в родительском доме (батюшковом, красном матушкином тереме), и высматривание ею жениха из окошечка своего высокого красного терема, и поиск невесты молодцем-женихом с помощью стрелы, направленной в терем девушки, и сватовство, и появление новобрачной в тереме, и послесвадебная жизнь супругов.

Представленные нами наблюдения могут быть полезны в практическом плане для сравнительных исследований на материале других локально-региональных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. А. А. Горелов. Т. 1–2. СПб.; М., 2001. Т. 1. 776 с.; Т. 2. 784 с. Далее в тексте в круглых скобках будет указан том и через двоеточие страницы.
- ² 1) Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1978 г., 1980 г.); 2) Колпакова Н. П. Свадебный обряд на Севере (машинопись диссертации): Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кол. 165, п. 25, л. 144–158; 3) Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета: Усть-Цилемское собрание (записи 1986–2000-х гг.).
- ³ 1) Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979. 354 с.; 2) Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973; 321 с.; 3) Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. 459 с.; 4) Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой) / Публ. и коммент. Т. С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. М., 2013. С. 109–146; 5) Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962. 598 с.

- 4) 1) А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / Сост. А. Н. Власов (отв.), З. Н. Бильчук, Т. С. Канева. СПб., 1992. 223 с.; 2) Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979. 354 с.; 3) Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. СПб., 1908. 38 с.; 4) Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. 459 с.; 5) Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962. 598 с.; 6) Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / Сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехренгина, Е. А. Шевченко. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. 352 с.
- 5) См., например: Смирнов Ю. И., Ангеловская Л. В., Канева Т. С. Былины Усть-Цильмы: Справочно-библиографические материалы. Сыктывкар, 2019. 218 с. Библиографию основных изданий и исследований одной из печорских традиций см. в: Усть-цилемская фольклорная традиция: Справочно-библиографическое мультимедийное издание / Авт.-сост. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013.
- 6) См.: Розов А. Н. Духовно-православный мир русского человека в усть-цилемских былинах // Вторые Мяндинские чтения: Материалы Всерос. научно-практ. конф. (с. Усть-Цильма, 11–12 июля 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 255–263; Канева Т. С.: 1) «Книга», «письмо-грамота» в печорском эпосе // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность: Материалы Всерос. научно-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов музеев» к 20-летию отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки Сыктывкарского университета (15–16 мая 2008 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Е. В. Прокуратова. Сыктывкар, 2009. С. 268–274; 2) «Страна советская» в усть-цилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Образный мир традиционной культуры: Сборник статей. М., 2010. С. 286–293; 3) Война в усть-цилемской причете: образно-тематическая характеристика // Традиционная культура: Научный альманах. 2015. № 2. С. 7–18; 4) Хозяйственные занятия печорцев в причитаниях: охота, рыболовство // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 301–304; 5) Лес в печорском фольклоре (реализация образа в музыкально-поэтических жанрах) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: Сб. тр. к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 72–85.
- 7) Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2011. Т. 4. С. 400.
- 8) Шамбинаго С. К. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса) // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 136, 138.
- 9) Ходаковский Е. В. Деревянное зодчество Русского Севера: Учебно-методическое пособие. СПб., 2009. С. 52.
- 10) Забелин И. Е. Черты самобытности в русском зодчестве // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. № 3. С. 191.
- 11) Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1980 г.). 4-10-1980, т. 9, № 200, с. 5179.
- 12) Песни Печоры. С. 354.
- 13) Т. С. Канева отмечает, что былинные формулы «лес стоячий» / «дерево стоячее» созвучны сочетанию «терем стоячий» в усть-цилемском свадебном причитании, что вполне оправданно, так как в данном жанре главенствующая роль отводится дому [1: 80].
- 14) Шамбинаго С. К. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса). С. 131.
- 15) Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. С. 33.
- 16) Русская народно-бытовая лирика. С. 111.
- 17) Следует отметить, что в музыкально-поэтических жанрах Печоры редки примеры, когда терем строится (кроме изготовления гроба, который назван теремом). Так, например, еще один случай возведения данного объекта встретился нам в печорской былине, где князь Владимир предлагает Василию Игнатьевичу поставить терем за его заслуги:
И чего же от меня тебе, Васеньке, надобно
За такую ослугу за великую?
Надо тебе терем высокие –
Поставим тебе терем против дворца (2: 144).
- 18) Э. Г. Рахимова в своей монографии «“Туонельские свечушки”: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным» приводит примеры того, как в карело-финских плачах номинируют жилище покойного. Так, например, в беломорско-карельских плачах метафорической заменой гроба является выражение «поколенный туонельский алтарный домик», в сойкинских записях – «дом для умершей, для идущей в землю хижина, для исчезнувшей усадьба» [3: 99–101]. Стоит отметить, что в печорском материале не выявлены случаи, когда метафорой гроба выступают номинации «домик», «хижина» и «усадьба». А хижина и усадьба вообще нехарактерны для проанализированных музыкально-поэтических жанров.
- 19) Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1980 г.). 4-10-1980, т. 9, № 182, с. 5167.
- 20) Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой). С. 54.
- 21) Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. С. 33.
- 22) Там же. С. 36.
- 23) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 4. 864 с.
- 24) Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни. С. 167.
- 25) Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 186.
- 26) Песни Печоры. С. 180.

- ²⁷ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 247.
²⁸ Там же. С. 271.
²⁹ Там же. С. 170.
³⁰ А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села). С. 92.
³¹ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 127.
³² Русская народно-бытовая лирика. С. 92.
³³ А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села). С. 162.
³⁴ Песни Печоры. С. 180.
³⁵ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 247.
³⁶ А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села). С. 101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К а н е в а Т. С. Лес в печорском фольклоре (реализация образа в музыкально-поэтических жанрах) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: Сб. тр. к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 72–85.
2. К р и н и ч н а я Н. А. «Все в терему по-небесному...»: к семантике эпической формулы // Классический фольклор сегодня: Материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова (Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г.). СПб., 2011. С. 101–111.
3. Р а х и м о в а Э. Г. «Туонельские свечушки...»: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным. М., 2010. 237 с.
4. С м о л и ц к и й В. Г. Русь избяная. М., 1993. 104 с.

Поступила в редакцию 15.04.2020

Evgeniya O. Maksimova, Postgraduate Student, Pitirim Sorokin
 Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
 maximova-evgeniya@yandex.ru

TEREM IN EPICS, LAMENTATIONS AND SONGS OF PECHORA: COMPARATIVE ANALYSIS

The work is aimed at the comparative analysis of the terem image in music and poetic genres of the Russian traditions of Pechora (the Ust'-Tsil'ma district of the Komi Republic and the Nenets Autonomous Area of the Arkhangelsk region). A terem is one of the most popular artistic units denoting a dwelling in Pechora folklore (54 uses were identified in epics, 7 – in lamentations and 69 – in song genres). The published records of Pechora epics and songs along with the issued and archival texts of lamentations were sources of the research. For the first time epics, lamentations and songs of Pechora are compared in terms of implementing the image of a residential building – a terem. The word “terem” in the epics and lamentations of Pechora is generally accompanied by definitions that are characteristic of the common Russian traditions. In songs, this dwelling facility is presented through the largest variety of definitions, and the analysis of song genres revealed a large number of rare word combinations. Descriptions of terems mark their owners. Pechora terems are also the objects of the world of the dead. In Pechora epics, terems belong to princes, princesses, the Sea King, Solovei the Brigand (Nightingale the Robber), as well as to the Mother of God, which indicates that the image is widely included into the epic folklore space, while in the wedding or game songs of praise and prolonged songs a terem is associated with love and family themes. The analysis of text fragments with the word “terem” identified in Pechora folklore, especially in songs and lamentations, drew our attention to the fact that this archaic type of housing is included in narrative situations related to the subject of creating a family, female images, and family in general.

Keywords: terem, epic, lamentation, song, Pechora, poetics

Cite this article as: Maksimova E. O. Terem in epics, lamentations and songs of Pechora: comparative analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.531

REFERENCES

1. К а н е в а Т. С. Forest in Pechora folklore (realization of the image in music and poetic genres). *People in their habitat: the space of nature, the space of society: Collection of research papers commemorating the 90th anniversary of Taisiya Yakovlevna Grinfeld-Zingurs*. Syktyvkar, 2017. P. 72–85. (In Russ.)
2. К р и н и ч н а я Н. А. “In a terem everything feels like in heaven...”: the semantics of the epic formula. *Classical folklore today. Proceedings of the conference commemorating the 90th birth anniversary of B. N. Putilov*. St. Petersburg, 2011. P. 101–111. (In Russ.)
3. Р а х и м о в а Э. Г. “Candles of the Tuonela...”: the verbal depiction of the Karelian-Finnish lamentations for the deceased. Moscow, 2010. 237 p. (In Russ.)
4. С м о л и ц к и й В. Г. Wooden-house Rus. Moscow, 1993. 104 p. (In Russ.)

Received: 15 April, 2020